

Юлия Жукова

В семье не без подвоха

Фантастика Любовный роман Юмор

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Ж86

Жукова Ю.

Ж86 В семье не без подвоха / Ю. Жукова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 578 с.

ISBN 978-5-521-90910-0

Долгожданное переиздание

Вместе с любимым человеком, к счастью или к несчастью, неизбежно обретаешь его семью. Удачное это приобретение или нет, покажет время, а пока с ним надо считаться и выстраивать отношения. Даже если твой муж — Император, а в гости частенько навешиваются боги и демоны, никто не отменял притирок и сложностей совместной жизни. Особенно когда оказываешься матерью не одному маленькому принцу...

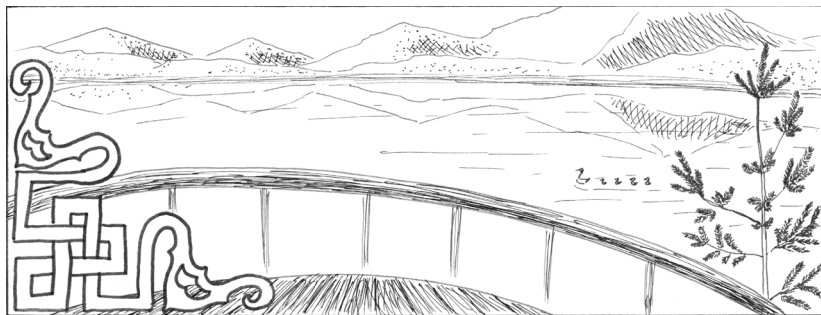
BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90910-0

© Юлия Жукова, текст, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ГЛАВА 1

В КОТОРОЙ АККЛИМАТИЗАЦИЯ
ИДЁТ С ПЕРЕМЕННЫМ УСПЕХОМ

Когда Азамат рассказал мне, что названия месяцев на Муданге происходят от архаичных имён разных богов и каждый месяц посвящён своему богу, мне не потребовалось ни заглядывать в календарь, ни обращаться к Старейшинам, чтобы предсказать, что рожать я буду на стыке месяца Укун-Тингир и месяца Ирлик-хона. Сезоны на Муданге неравной длины: весной и осенью по пять месяцев, а летом и зимой по шесть, только зимой ещё несколько дней съедаются, потому что год составляет немножко меньше двадцати двух месяцев. Ну или потому что бог стужи, на которого приходится третий месяц зимы, — карлик. Тут уж кому какое объяснение ближе. Укун-Тингир посвящён пятый месяц лета, потому что это самое урожайное время в северном полушарии, в котором лежит большая часть муданжского континента. Конечно, при такой длине лета в принципе урожай собирают по несколько раз в сезон, но всё же месяц Укун-Тингир — это пик изобилия. Ну

а Ирликом, понятное дело, всё заканчивается, потому что он ведь крадёт солнце. Равноденствие выпадает приблизительно на последний день лета, и после этого дни становятся короче ночей, к тому же весь месяц муданжские луны проскальзывают по небу ещё до заката, а ночью воцаряется беспросветная тьма. В этот месяц муданжские дети, собираясь в пустующих по ночам клубах, рассказывают страшилки, а молодёжь развлекается гаданиями и прочей ворожбой, примерно как у нас на святки. В это же время активизируется разнообразная нечисть, которая боялась показать нос, пока грозная Укун-Тингир приглядывала за планетой в свою смену.

Вот и лежу я теперь в шезлонге на веранде своего дома с видом на искрящиеся в полуденном солнце воды Дола, слушаю, как Азамат воркует над колыбелькой, и вроде как восстанавливаюсь после родов. Хотя и восстанавливаться-то особенно не приходится: всё прошло без сучка без задоринки, даже понервничать не успела. Я долго думала, лететь ли мне на Гарнет или довериться Ориве, которую я уже несколько месяцев прицельно учила принимать роды, но Азамат категорически заявил, что не доверит мою жизнь ни местным, ни гарнетским повитухам, и договорился с Земным Союзом о поставке партии врачей с целью обеспечивать медицинскую поддержку развивающемуся региону Вселенной. Честно говоря, я ужасно обрадовалась, и не столько даже тому, что буду в надёжных руках (я-то Ориве вполне доверяю), сколько тому, что будет с кем поделиться пациентами. Последнее время ко мне стали выстраиваться такие очереди, что пришлось задрать цену вдесятеро, чтобы хоть как-то справляться с потоком страждущих. И тут же, конечно, включилась совесть

и стала меня пилить, что помощь надо оказывать тем, кто в ней больше нуждается, а не тем, у кого больше денег, и всё в таком духе. Удивительно, как внезапно слишком мало пациентов превратилось в слишком много. Короче говоря, когда Азамат сказал, что подписал визы пяти врачам, я даже немножко поплясала от радости, хотя уже было тяжело.

Набрать миссионеров оказалось довольно трудно. Во-первых, мало кто вообще хотел лететь за тридцать галактик на этот никому не нужный Муданг, даже ради очень больших денег. И то сказать, у всех семьи, друзья, и все привыкли, что с работы домой можно добраться максимум за несколько часов, да и то если очередь на туннель слишком длинная. А тут земными средствами передвижения три недели, муданжскими полторы... С другой стороны, абы кого привозить тоже нельзя — окажутся жуликами какими-нибудь, обманут солидных людей, и вот он международный скандал. Поэтому всех желающих пришлось проверять под микроскопом, и многие не прошли тест на вшивость. Ещё заметное количество порядочных людей сами сошли с дистанции, и, зная методы Земного Союза, я не могу их осуждать. В итоге осталось четверо, и тут я вспомнила про Янку. Мы с ней переписывались всё то время, что я осваивалась на Муданге, и я много чего ей понарасказывала о местных обычаях. Она, конечно, от муданжцев несколько пострадала, её ведь тоже, как меня, пытались силком замуж выдать, но зато у неё уже был опыт культурного контакта, хоть и негативный. К тому же она училась вместе со мной в космическом колледже и тоже ходила на муданжский язык, а это очень большой плюс, поскольку на Муданге совсем мало народу говорит на всеобщем.

Так что я принялась Янку уговаривать. Ломалась она долго и крови всем попортила изрядно, но после того, как Азамат лично перед ней извинился за поведение своих сограждан и пообещал, что никто больше на её свободу не покусится, она всё-таки согласилась. И пока что об этом не жалеет. Вон она сидит на перилах, крутит рыжий локон и пожёвывает полоску вяленой сурчатины, наслаждаясь видом на девственную муданжскую природу.

— Он опять заснул, — разочарованно сообщает Азамат.

Я усмехаюсь.

— А ты чего хочешь, чтобы он бегал на второй день?

— Нет, конечно, — вздыхает Азамат, и по вздоху понятно, что именно этого он и хочет. — Просто никогда не видел таких маленьких детей...

Я закатываю глаза. Эту фразу я за последние двое суток слышу примерно двухсотый раз. А какого труда нам с Янкой и Оривой стоило уговорить начинающего папу вообще взять ребёнка на руки! Он же такой маленький-хрупкий, ах-ах-ах, да я не знаю, как его держать, а вдруг помну, а вдруг напугаю! Девчонки ещё поначалу в другую комнату уходили поржать, а потом плюнули на приличия, всё равно Азамат ни на что, кроме младенца, внимания не обращал. Потом ему стало казаться, что ребёнок плачет, потому что его боится. Затем ребёнок задрых у него на руках, всем своим видом демонстрируя беспочвенность папиных страхов. Азамат некоторое время повосхищался, а потом стал переживать, что это малыш всё время спит, а не заболел ли он? В общем, среди этого бардака я волновалась только, как бы от смеха кровотечение не началось.

— Погоди, — успокаивает его Яна своим низким блюзовым голосом, — ещё на стенку полезешь от его активности.

— Если он в меня пойдёт, то да... — мечтательно соглашается Азамат. — Лиза, а ты в детстве активная была?

— Не-а. Я в основном молчала и улыбалась. Но он больше на тебя похож, посмотрим, может, и характером тоже.

Похож — это немного не то слово. Когда Янка мне впервые показала моё дитятко, я почувствовала себя ксероксом. Разве что глазки голубые, так они могут со временем потемнеть. А так просто микро-Азамат. Тот матушка порадует. Конечно, подрастёт, может, ещё проявятся какие-нибудь мои черты, но пока вообще ничего общего, даже немного обидно, в конце концов, это я его носила. С другой стороны, теперь уж точно ни у кого язык не повернётся предположить, что Азамат ему не отец. А то я уже наслушалась сплетен и обвинений.

— Слушай, Азамат, а нельзя парочку Старейшин сюда выписать на именование? А то уж очень не хочется в столицу переться.

— Ты плохо себя чувствуешь? — тут же настораживается он.

— Да нормально я себя чувствую, просто как представлю, что надо собрать вещи, засунуться в тесный унгуц, потом ещё в Ахмадхоте жара, духота, машины, прокисшими фруктами везде пахнет... Может, не будем мучить ребёнка?

Азамат качает головой.

— И обычного-то человека именовать должен весь Совет, а уж будущего Императора — обязательно. А все Старейшины даже по твоей прихоти сюда не полетят,

тем более, что столичным жителям ведь интересно на наследника посмотреть, убедиться, что он здоровый и красивый. Так что лететь надо, никуда не денешься. В принципе, если ты не хочешь, то можешь остаться, твоё присутствие не обязательно.

— Ну ага, конечно! Мало того, что имя моему ребёнку будут придумывать какие-то чужие дядьки, так ещё чтобы я не присутствовала? Нет уж. Надо хотя бы проследить, чтобы на моём родном языке это имя нормально звучало, а то знаю я вас, назовёте каким-нибудь Хунь-Кирдыком, и что я маме скажу?!

— А что не так с этим именем? — удивляется Азамат. — Я знал одного хорошего человека...

Продолжение тонет в нашем с Янкой дружном хохоте.

— Ну ладно, ладно, — успокаивает нас Азамат. — Я написал Старейшине Ажгдийдимидину, объяснил, что у вас на Земле совсем другая традиция с именами, и он пообещал, что Совет посчитается с твоим мнением.

В столицу мы выбираемся на следующий день всей компанией. Янка там вообще-то работает, вместе с Оривой, которую я ей отдала во временное пользование, пока я в декрете, так сказать. Коллеги-земляне пока побаиваются переселяться в другие города и толкуются в столице, где немного повыше процент говорящих на всеобщем. Старейшина Унгуц и ещё двое книжников по возможности интенсивно учат их мунданжскому, но всё равно они ещё долго не смогут свободно общаться с пациентами без переводчика, а пациенты совершенно не жаждут посвящать этих переводчиков в свои проблемы. Янка, конечно, тоже

не ахти как разговаривает, примерно как я в начале всей этой эпопеи, но её пациенты часто и сами говорить не умеют, она же педиатр.

Азамат сажает нас прямо перед Домом Старейшин, вынимает меня из кабины и аккуратно ставит на крыльцо, косясь на Янку. Всё никак не поверит, что меня уже можно размещать в пространстве вертикально. На площади почти никого нет, только несколько ребят сидят на перилах над рекой, да ещё мимо проходят какие-то люди. Мы заходим внутрь.

В Доме Старейшин как всегда жарко, душно и пахнет благовониями, от чего мелкий на руках у Янки тут же начинает хныкать. Я не успеваю даже обернуться, как Азамат его уже перехватил и принялся укачивать, одновременно командуя прислужнику открыть окна.

— Старейшины этого не любят, — хмурится прислужник.

— Плачущих детей они любят ещё меньше, — веско отвечает Азамат.

Янка и Орива выходят ждать снаружи в теньке, а нас приглашают в Сердце Дома, то бишь зал, где сидит Совет. Гляди-ка, и правда все восемнадцать собрались. Унгуц нам радостно подмигивает, Ажгдийдимидин кивает, мы киваем обоим в ответ. Прислужник и тут открывает два окна и занавешивает их тяжёлыми гобеленами, чтобы никто с улицы не подсмотрел за таинством.

— Тэк-с, — начинает Старейшина Асундул и прокашливается, глядя в какой-то листок. — Что у нас дальше... Именование наследника.

Можно подумать, они сегодня прямо с утра всем составом заседают и уже забыли, ради чего! Хотя, наверное, это что-то обрядовое, чтобы нечисти голову замо-